

КАЖДЫЙ СЛЫШИТ, КАК ОН ДЫШИТ

Памяти Юриса ПОДНИЕКСА

Смелка - С.П. - 1992 - 11 июля

НА ФИЛЬМ «Легко ли быть молодым?» наш полк водили организованно, в полном составе. Чудом каким-то весенне-либеральным веянием проникали через КПП в кабинеты штабных начальников, подвигая их на акции столь странные с точки зрения поддержания боеготовности и воинского духа.

Все смешалось: преддербельская эйфория, выход в кинотеатр, новый привкус хлынувшей с экрана жизни, твоей и нетвоей одновременно. Все смешалось: полупридуманная и полуподлинная ремарковско-хемингуэвская печаль, возвращающиеся из Афганистана сверстники, языческий карнавал из панковских гребней, цепей, браслетов, ошеломляющей честности монологов молодых людей с латышскими именами, похожих как две капли воды на твоих друзей. Жизнь, оставленная вне казармы, оказывается, не дремала и не прерывалась — странными токами она соединялась с жизнью нашей. Блуждания по коридорам смерти в любительской ленте, снятой одним из героев фильма Подниекса, перекликались с реальной смертью, существовавшей в судьбах тех молодых людей на равных с жизнью (морг — больница — Афганистан). Из этих сплетений рождалось особое поле, заряженное смутной тревогой, грустью, и — ощущением тотальной сопричастности. Всего со всем и всех со всеми.

Потом уже пошла лавина статей, дискуссий, полемизи-

ровали о чем-то вокруг фильма философы, психологи, социологи, педагоги, комсомольские работники, замполиты, юристы. Были сокращенные вздохи: ведь это же наши дети!.. Были благодарности от «детей», была Госпремия Союза...

И потом, когда перестроенная весна переросла в кровавый кошмар, были поездки Подниекса в Карабах, Тбилиси, Среднюю Азию, был снятый в этих местах по заказу Би-би-си телесериал «Мы» (показанный нам, к сожалению, слишком поздно), были вовсе прошедшие мимо нашего зрителя фильмы «Крестный путь», «Послесловие», «Конец империи».

Случайно ли, что жизнь Юриса Подниекса, сорокалетнего документалиста, оборвалась сразу же после «конца империи»? Случайно ли, что, минуя смерть во время обстрелов в Карабахе, в дни прошлого года январского беспредела в Вильнюсе и Риге (где погибли его товарищи Андрис Слапиньш и Гвидо Звейзгзне), наконец, в августе, когда Подниекс был зверски избит омоновцами, он нашел смерть сейчас? Не на войне — на подводной охоте?..

Мы уже воспряли, убедились (и продолжаем убеждаться), что кинокамера в нечистых руках может быть орудием подстрекательским, с ее помощью можно заставить народ к топору, автомату, к погрому. Кинокамера Подниекса прокладывала мосты — между по-

колениями, народами, людьми. Так называемое «перестроечное» искусство (и документалистика в том числе) при всей своей смелости и неконформизме неизбежно разъединяло людей, когда говорило правду. Правда, звучавшая в фильмах Подниекса, объединяла. Не консолидировала, нет, подобные политические характеристики чужды его творчеству, — она звала к пониманию и терпимости. Многие художники «второй оттепели» в борьбе с системой вынужденно становились бойцами — Подниексу ближе была роль духовника и врача-ветеля.

Наконец, национальные революции в республиках бывшей империи заставили многих деятелей культуры если не пренебречь, то где-то пожертвовать общечеловеческими категориями. Для Подниекса в фильме «Мы» трагедия латышского народа находится в том же ряду, что и трагедия казахов или русских. Где есть «мы» — там нет «они».

«Алло, вы нас слышите?» — такое название первоначально было у фильма «Мы». Этот лейтмотив, пожалуй, самый узнаваемый во всех фильмах Подниекса. Не бравадное «мы вместе», не отчаянное «это я, Господи»... «Алло, вы нас слышите?» — то ли вопрос, то ли послание.

Максим МАКСИМОВ

Репродукция
Александра НИКОЛАЕВА

